

ЕКАТЕРИНА ШИТОВА

ЛЮБОВЬ АННЫ

18+

Екатерина Шитова

Любовь Анны

«Автор»

2022

Шитова Е.

Любовь Анны / Е. Шитова — «Автор», 2022

Истории женщин, судьбы которых навсегда изменила война. Истории о любви и ненависти, о верности и предательстве. Истории о людях - сильных и слабых, идеальных, но живых и настоящих.

© Шитова Е., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Любовь Анны	5
Мама Нина	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Екатерина Шитова

Любовь Анны

Любовь Анны

Несколько месяцев назад красавице Анне, дочке старого кузнеца Петра, исполнилось 18 лет. Анна была крепкой, красивой и трудолюбивой девушкой, самой младшей в большой семье.

Анна все о своей судьбе знала наперед. И была уверена в том, что все сложится именно так, как она себе представляла.

Уже давно девушка была влюблена в Ивана, красивого и статного парня с соседнего двора. Иван тоже любил Анну и обещал ей недавно в тени цветущей черемухи, что однажды придет свататься к ее отцу.

Анна была счастлива, ей казалось, что и будущая жизнь ее будет очень счастливой. Ведь никаких препятствий для исполнения мечты не было.

Когда она садилась на лошадь и скакала по полю, сердце ее переполняла радость и пьянящее ощущение предстоящей семейной жизни. Они с Иваном обязательно будут вместе, ведь он любит ее. У них будет большой, светлый дом и много детей, иначе и быть не может.

В девичьей комнатке вечерами Анна расчесывала старинным гребнем длинные светлые волосы и улыбалась своему отражению в маленьком зеркальце. Пламя свечи дрожало на столе, глаза Анны блестели, щеки алели, словно спелые яблоки, локоны волнами ложились на плечи.

В такие моменты Анна представляла себе, каково это вообще – быть женой. И стыдливо краснела от собственных смелых мыслей.

К весне Анна ждала сватов, но Иван вдруг ни с того, ни с сего собрался в город на заработки. Обещал вернуться за ней.

Анна отчаянно плакала на груди любимого, а потом смирилась и так же отчаянно стала ждать его возвращения. Ну, пускай все складывается не так, как она себе придумала, но они же все равно будут с Иваном вместе, надо просто подождать...

Отучившись на курсах, Анна стала работать учительницей начальных классов в родной деревне. На парней не обращала внимания и часто писала Ивану нежные письма. Но то ли они до него не доходили, то ли Ивану некогда было отвечать, но получалось так, что писала она в пустоту. И все равно Анна ждала. Потому что любящее сердце всегда ждет.

А потом оказалось, что зря Анна ждала жениха – на все свои длинные письма она получила короткое, сухое послание, где парень сообщал, что женился:

"Я не вернусь, Аня. Зла на меня не держи, найдется для тебя получше жених, чем я"...

С тех пор время для Анны словно остановилось. Она ходила на работу, учила детей, проверяла тетради после уроков. Потом шла домой и принималась за работу по хозяйству. Братья жили своими семьями, отец часто болел, поэтому работы у Анны было невпроворот.

Работа отвлекала от тяжелых мыслей, но выполняла ее Анна без души и без желания. Про горе свое никому не рассказывала, да и некому было выслушать ее тоску. По ночам глотала солёные слёзы, всхлипывала в подушку. А утром снова шла в школу учить детей.

Однажды Анна не выдержала, пошла на окраину деревни к знахарке. Знахарка Тамара умела травами и кореньями любые хвори изгонять. А еще она умела выводить человека на правильную дорогу. "Может быть, сделает она так, чтобы Иван ко мне вернулся?" – так думала Анна по пути к дому Тамары.

Тамара Анну выслушала и ответила: – Это в тебе говорит сейчас не к нему любовь, а к самой себе. Ну, представь, сделаю я приворот, так будь готова, что он же всю жизнь сам не свой с тобой будет. Может, к бутылке пристрастится или, еще хуже, бить тебя начнет. Чувствуют

мужчины, что их силой держат и с ума начинают от этого сходить... Иди, Аня, домой да подумай хорошенько, нужно ли тебе такое "счастье".

Анна ушла и больше к Тамаре не вернулась.

Словно в полусне пролетело несколько месяцев. Анна и не заметила. Заметила только то, что за все это время оба ее учительские платья стали велики на два размера. Пришлось ушивать.

И тут появился Алексей. Алексея Анна знала с раннего детства – он жил со своей семьей через три двора от их дома.

Нелюдимый, угрюмый, высокий и ушастый – таким был Алексей Сеницын в глазах Анны. В детстве она была уверена, что парень немой, он никогда ни с кем не говорил и даже не здоровался.

Но как-то утром она забирала лошадей из ночного, и стала невольной свидетельницей необычной сцены. Крупный белый жеребец, отличающийся строптивым нравом, склонил перед мальчиком голову и слушал его.

Говорил Алексей медленно, коверкая и глотая звуки. Неудивительно, что он не разговаривал ни с кем. Попросту стеснялся: люди его речь с трудом разбирали, поэтому часто смеялись над ним. Жеребец же слушал, водил ушами и как будто, понимал, о чем толкует ему мальчик. Анна никогда не видела этого своенравного скакуна таким спокойным и покладистым. Это было похоже на чудо!

Под ногой Анны хрустнула ветка. Алексей повернул голову на звук, смутился и хотел убежать, но девочка схватила его за руку и начала тараторить о том, что ее конь тоже, наверное, понимает человеческую речь. Потому что он умнее других отцовских лошадей...

С тех пор Анна изменила мнение о молчаливом соседе и больше не называла его про себя угрюмым и ушастым. И подругам не разрешала обзывать его.

Сейчас Алексей работал ветфельдшером. Анна иногда встречала его на улице, кивала приветственно, но никогда не обращала на него внимание, как на мужчину. Алексей сильно изменился: возмужал, окреп, даже уши уже не торчали так сильно, как в детстве. В его чертах присутствовала мужская суровость, черные брови сходились на переносице, добавляя лицу строгости и неприступности.

Анна не замечала, что при встрече с ней смуглое лицо Алексея заливается краской, а в зеленых глазах появляется странная, несвойственная ему, нежность.

Когда у отца Анны занемог поросенок, Алексей пришел и около часа провел в свинарнике, объясняя Петру, что нужно делать. После всех назначений Петр попросил Анну проводить Алексея со двора, при этом они с матерью странно переглянулись, но Анна не заметила этого. Около калитки Алексей, комкая и глотая звуки, пригласил девушку погулять по деревне вечером.

Анна опустила грустные глаза в землю, но согласилась.

Через полгода, морозным январем, они с Алексеем сыграли свадьбу.

Три дня гремела на всю деревню свадьба у молодых Сеницыных. А на четвертый день старый кузнец Петр перевез дочку в ее новый дом, к мужу и его семье.

Анне и Алексею была выделена бывшая родительская спальня. Глава семьи умер несколько лет назад, поэтому мать переселилась в комнату сестры.

Приданое Анны, уложенное в три сундука, Петр вез на лошади. Свекрови и золовке Анна привезла богатые подарки: отрезки хороших тканей, купленные отцом в городе, а также вышитые своими руками полотенца и воротнички.

Анна с трудом привыкала к новому дому и быту, Алексей же был счастлив. Анна стала для него исполнившейся мечтой, желанием, загаданным давным-давно, а сейчас неожиданно и легко сбывшимся. Анна изо всех сил пыталась полюбить мужа. Но не могла. Так же, как до сих

пор не могла выбросить из своего сердца Ивана. По ночам она тайком трогала широкие плечи спящего мужа, гладила руки, заключающие ее каждую ночь в жаркие объятия, и представляла, что было бы, если бы сейчас с ней рядом лежал не Алексей, а Иван. Сердце от одной только подобной мысли падало куда-то вниз, а по щекам катились невольные слезы. Анна в то время часто засыпала на мокрой подушке...

От молодых ждали ребенка. Но проходил месяц за месяцем, а желанная беременность не наступала. Свекровь нет-нет, да и колола Анну острым словом "пустая", "бесплодная". Анна терпела, не могла отвечать грубостью той, кто старше ее и мудрее. Но иногда закусывала губу до крови, чтобы промолчать на очередное едкое высказывание, в то время как все внутри нее бунтовало.

Помимо этого, не заладились у Анны отношения с сестрой Алексея, Дашей. Даша была девка на выданье: красивая, белокурая, кудрявая, но характером строптивая, капризная и свое-нравная. Чуть что не по ней, поднимала крик на весь дом, ругала Анну на чем свет стоит. И если со свекровью Анна молчала, то "выскачке Дашке", так она прозвала золовку, не спускала с рук грубости и хамства. Даша жаловалась на Анну и матери, и Алексею. Алексей молчал, а мать все бубнила, что невестка ничего по-хорошему делать не умеет, грязнуля, готовит скверно еще и скандалит со всеми.

– Давай уйдем, будем сами по себе жить. Или к моим родителям пойдем, братья все равно с нами не живут, – по ночам просила Анна мужа, плакала на его груди.

Алексей кивал, обещал все устроить. Но дни шли, ничего не менялась, только обстановка в доме накалялась все больше и больше.

Как-то в школе к Анне подошла директриса и спросила, все ли у нее хорошо в семье.

– Все хорошо. Почему вы, Лина Аркадьевна, спрашиваете?

– Поговаривают, будто вы в разладе со свекровью. Да я и сама слышала, как она о вас отзывается на людях... Анна Петровна, вам лучше наладить отношения с ней, иначе это плохо отразится на вашей учительской репутации! Вы же совсем недавно работаете...

Хорошо, что в это время прозвенел звонок. Анна выдавила в ответ улыбку, кивнула и, поблуднев, отправилась в класс, ничем больше не выдавая своего беспокойства и раздражения.

Значит, вся деревня сейчас судачит о том, что Анна бесплодна, не уважает старших и не умеет вести домашнее хозяйство, как утверждает во всеуслышание свекровь.

Эти мысли, как рой пчел, весь день жужжали у Анны в голове и не давали сосредоточиться ни на чем другом.

Вечером, вернувшись домой, Анна, не снимая пальто, сложила в свою котомку рабочее платье и необходимые вещи и вышла из дома. Алексея не было, наверное, опять уехал на вызов в соседнюю деревню. Свекровь пекла на кухне хлеб и даже не взглянула на нее.

Дома Анна сказала отцу:

– Если прогонишь, я завтра же уеду в город, и тогда больше вы меня не увидите.

– Аня, это не дело от мужа бегать, – попыталась вмешаться мать, но Анна и ее пресекла.

– Я не от мужа ушла. А от тех змей, с которыми он живет. Пусть выбирает: или я, или они. Ноги моей больше не будет в том доме, мама. Они меня живьем едят с двух сторон...

Глядя на Анну, на ее глаза, горящие пламенем, на покрасневшие щеки и на растрепанные пряди, выпавшие из косы, уложенной вокруг головы, мать не решилась продолжить спор.

Анна повесила пальто в сених, прошла в свою девичью спальню, легла на кровать, не раздеваясь, и не смогла больше сдерживать злые слезы...

Алексей пришел за Анной утром, она как раз собралась идти в школу. Анна обняла его, положила голову ему на грудь.

– Что случилось, Аня? Мать тебя ругает, на чем свет стоит. Ты почему домой не пришла?

Анна давно привыкла к тому, как он говорит, стала понимать его булькающую речь с полуслова.

– Я туда больше не пойду, Алеша. Сил моих больше нет слышать от чужих людей всю ту ложь, которую про меня говорят всем твои мать и сестра.

Алексей отстранился от Анны, взгляд его был непонимающий.

– Мне вчера директриса сказала, что если и дальше обо мне судачить всякое будут по деревне, то меня из школы, как пить дать, выгонят. И что я тогда буду делать? – из глаз Анны потекли по щекам крупные слезы, – что я им сделала, Алеша? Ну, плохая из меня хозяйка, так ведь она мне ничего толком сделать и не дает. То не так, это не так. Ну, не получается пока у нас ребеночка заиметь, разве я в этом виновата? Виновата, конечно, во всем виновата! А знаешь, в чем я по ее мнению виновата в первую очередь?

Алексей молча смотрел на Анну, не перебивал, но и не утешал ее.

– Да потому что сыночка единственного увела из-под ее крыла. Жалко ей тебя отдавать! Но не понимает она, что ни один мужчина не будет счастлив со своей матерью так, как будет счастлив с любимой женой.

Анна взяла сумку с тетрадами. Через десять минут у нее начнется урок, надо было торопиться. Она накинула на голову платок, надела пальто. Алексей все молчал.

– Иди, Алеша. Я думала, что и решать тут нечего, что ты ко мне пришел. А ты, как я вижу, все оторваться от нее не можешь. Иди тогда к ней, а про меня забудь.

Анна вышла на улицу, на душе у нее было горько, обидно. Апрельский ветер бил по лицу, моросил в глаза последним снегом. Алексей стоял на пороге ее дома и смотрел вслед.

“Был бы на его месте Иван, обязательно догнал бы меня,” – подумала Анна, а потом от злости на себя шлепнула ладонью по лбу. Иван! Иван оставил ее, бросил, как ненужную собачонку. Ничем он не лучше.

Анна шла и вдыхала весенний воздух, перемешанный с ее горькими мыслями. Увы, жизнь ее складывалась совсем не так, как она когда-то мечтала...

Через две недели Анна поняла, что ждет ребенка. Семье пришлось воссоединиться, несмотря на то, что Анна возвращалась в дом свекрови с тяжелым сердцем.

А спустя месяц началась война... И весь мир словно перевернулся с ног на голову.

Алексей ушел на фронт ветфельшером в составе конного эшелона. Писал Анне редко и сухо. А может, просто не умел он выражать свои чувства на бумаге.

Через 7 месяцев у Анны родилась девочка. Крошечная, недоношенная, тшедушная, словно котенок. Повитуха обтерла маленькое тельце, завернула в мягкую пеленку, а затем в шерстяное одеяло, а Анне сказала:

– Лучше не бери ее на руки, не привыкай. Вряд ли твое дитя выживет.

Свекровь посмотрела тогда на синее сморщенное личико ребенка и плюнула в сторону, не сдержав разочарования. Анна, заливаясь слезами, попросила повитуху дать ей младенца на руки.

Взяв в руки маленький, практически невесомый свёрток, Анна почувствовала, что по её венам разливается тёплое, знакомое, радостное – любовь. Любовь за доли секунды заполнила Анну до краёв. Она и представить не могла, что её доченька может умереть, ведь она уже так сильно ее любила! Она была так прекрасна, эта ее девочка.

Анна прижимала маленький кулек к груди и вдыхала аромат своего счастья. В тот момент она отчетливо поняла, что вот оно – ее истинное счастье и предназначение. Ребенок, которому можно подарить всю свою любовь.

Она пообещала себе, что, если ее дочка выживет, она стерпит все: нелюбимого мужа, змеиный характер свекрови, непосильную работу, войну, голод, душевное одиночество – все вынесет ради нее.

Но девочка не дожидая и до утра. Умерла тихо и не заметно у Анны на руках. Сердечко перестало биться и слабое дыхание замерло навсегда. Сморщенное личико расправилось и стало почти миловидным, восковым, как у куклы. Анна сразу же заметила эту перемену, но никому не сказала. Хотелось подольше побыть с ней, насмотреться, запомнить, отдать ей всю свою любовь.

А потом защемило в груди. Да так сильно, что ни дышать, ни говорить не было сил. Анна беспомощно моргала глазами, беззвучно открывала рот. По щекам катились слезы, капали на грудь и на личико мёртвой девочки.

Утром свекровь подошла к постели Анны, постояла с минуту у изголовья, а потом тихонечко забрала у неё из рук свёрток с ребёнком. Анна не сопротивлялась. Отвернулась к стене, прислонила горячий лоб к прохладным бревнам и забылась тяжёлым сном.

Оборвалась короткая жизнь её дочки, и в ней самой что-то навсегда в ту ночь оборвалось.

Спустя несколько дней Анна снова решила сходить к знахарке. Тамара зажгла свечи и заварила чай из трав, протянула дымящуюся чашку Анне.

– С чем в этот раз пожаловала, голубушка? – тихо сказала Тамара, голос её был низкий, бархатистый и добрый.

– Я не за помощью пришла, бабушка. Я поговорить с вами хочу. Светлый вы человек – за руку поддержите и тепло на душе становится.

– Вот видишь, Аня, в чем счастье иногда бывает – помогать другим, делать их хоть немного счастливее, – Тамара помолчала, потом добавила, – мучает тебя что-то, тяжело у тебя на сердце, так чувствую.

– У меня новорожденная дочка умерла недавно, – начала было Анна и не сдержалась, расплакалась.

Тамара подлила Анне чая, добавила в него какой-то корешок и снова придвинула чашку к всхлипывающей девушке.

– Не пришло ещё твоё время, девка. В жизни часто бывает, что ждёшь одно, а получаешь другое. Секрет счастья в том, что любой исход нужно принимать с благодарностью. Думаешь, тяжело? Нет, голубушка, так гораздо легче... И благодарить бога за все нужно, – Тамара хлебнула из своей чашки, помолчала, а потом добавила, – ребеночек этот тебе был дан, как урок, как опыт... Горько, больно, но, все равно благодари господи за то, что дал тебе побыть с ней хоть немного... Помни дитя свое, но не плачь по ней, так лучше будет и ей, и тебе.

Тамара взяла холодные руки Анны в свои ладони и крепко сжала их:

– Вот тебе мое напутствие. Дети приходят к нам разными путями-дорогами. И всегда в нужное время...

Через пару месяцев во их район начали эвакуировать детдомовцев из блокадного города. В деревню, где жила Анна, тоже привезли группу детей, директриса заранее велела подготовить койки для них в школьном пристрое.

Анна тогда впервые увидела сирот: невымытых, голодных, напуганных. Ее сердце зашлось от жалости, хотелось каждого обнять и согреть. И тут из повозки воспитательница передала директрисе Лине Аркадьевне кулек, а в кульке кто-то тихонько пищал. Ребенок?

– Не знаю, куда девать ее, Анна Петровна! – взволнованно запричитала директриса. Зачем привезли ее к нам, такую маленькую, – непонятно. Со старшими девочками ее не разместишь, куда же мне ее сейчас девать? Хоть домой неси...

Анна дрожащими руками взяла маленький сверток из рук директрисы, посмотрела в красное от долгого плача личико девочки и к удивлению своему почувствовала, как перетянутая уже два месяца грудь наливается молоком, а сердце – любовью.

– Я позабочусь о ней, ее первым делом накормить нужно, – сказала Анна и увидела облегчение на лице директрисы.

"Дети приходят к нам разными путями" ... Эти слова, сказанные знахаркой Тamarой, звучали у Анны в голове, пока она кормила жадно сосущую грудное молоко девочку в школьной каморке. Анна уже любила это дитя всем сердцем и представить не могла, что кто-то решит забрать у нее девочку.

Но забирать младенца было некому и некуда – руководство школы было занято устройством сирот, их надо было накормить, помыть и одеть, распределить по койкам. Никому дела не было до грудного ребенка, который, бог знает как, попал в эшелон. У девочки не было ни документов, ни имени. В списках детей она тоже не значилась. Одна из воспитательниц, худая, изнуренная жизнью в блокаде женщина, сказала Анне, что ее кто-то подобрал в поезд, а кто – она не знает.

Так у Анны появилась дочь, которую она назвала, как чувствовала – Любовь.

Свекровь к девочке не подходила и помогать Анне с малюткой не собиралась.

– Ты еще всех оборванцев приезжих в дом притащи! Вот счастье-то будет, – язвительно ворчала она.

Как-то Анна не выдержала и закричала в ответ на оскорбления свекрови:

– Замолчите уже, мама. И не смейте нас больше обижать, иначе я уйду и останетесь без моего учительского пайка, за который так трясетесь. Люба моя дочь, и точка.

После этого свекровь уgomонилась. Анна не знала, что эта старая карга написала про девочку Алексею, но он тем про девочку в письмах старался избегать.

"Если вернется с войны и Любу не примет, как родную, то уйдем мы и будем жить одни. Даст Бог – выживем, " – так думала Анна.

А ее любовь к дочке с каждым днем становилась все сильней и сильней.

Люба была спокойным младенцем, чувствовала, что ее сильно любят. Для ребенка самое главное успокоительное – материнская любовь.

Оставлять малышку было не с кем, и Анна брала ее с собой на работу. Пока она вела урок, Люба спокойно спала в "гнездышке", которое Анна сооружала из одеяла на задней парте. Иногда Анне помогала водиться кухарка, а порой и сама директриса Лина Аркадьевна брала девочку в свой кабинет на пару уроков.

В год Люба пошла и Анна смогла устроить ее в ясли на полдня.

Когда девочка болела, Анна не спала ночами, сидела возле кровати и сердце ее разрывалось от боли.

Когда Люба училась чему-то новому, произносила первые слова, Анна была счастлива и радовалась, как ребенок.

Девочка изменила всю жизнь Анны. Не всегда было легко, порой было очень тяжело и голодно, но Анна давно уже не чувствовала себя такой умиротворенной и счастливой.

Когда закончилась война, Любе исполнилось три года. Алексея, вернувшегося с фронта, они с Анной встречали в нарядных платьях, которые та сама сшила накануне вечером.

Несмотря на наговоры свекрови и недомолвки в письмах, Алексей крепко обнял жену при встрече, а потом посмотрел на маленькую Любу и поднял ее на руки. Сердце Анны зашлось от нежности к дочке и к Алексею.

– Это папа, Любушка. Папа наш с фронта вернулся, – сказала счастливая Анна дочери и поцеловала мужа, – Теперь у нас все будет хорошо...

Все и вправду у Анны и Алексея сложилось хорошо. Они почти сразу же отделились от свекрови и стали жить своей семьей. Муж и жена понимали друг друга с полуслова, Алексей был надежным, верным и любящим супругом, и Анна даже не заметила, как уважение, которое она испытывала к Алексею, переросло в большое и сильное чувство. Позже Анна поняла, что это и есть истинная любовь.

Вскоре у Алексея и Анны родились еще дети: два сына и дочь. Всех они любили одинаково, никого из детей не выделяли...

Анна поведала Любе правду о ее рождении, когда та уже выросла, но от этого дочка стала любить и уважать своих родителей только сильнее.

"Дети приходят к нам разными путями, в нужное время". Пусть эти слова согревают сердца женщин, которые мечтают о ребенке, но, по каким-то причинам, не могут родить. Когда-то давным-давно они точно так же согрели душу несчастной Анны, которая, вопреки всему, сумела стать счастливой и обрела любовь...

Мама Нина

Нина помнит о том, как давным-давно, будто бы в прошлой жизни, она впервые увидела их: измученных, голодных, невымытых детдомовских ребят. Во время войны их спешно эвакуировали из городских детских домов и развозили по деревням в тылу.

Некоторые из них были настолько истощены, что не могли перенести долгой дороги и умирали в пути. Их худые, тщедушные, маленькие тела наспех закапывали около железной дороги сами воспитатели. Каково это – каждый день видеть, как дети умирают от голода и холода? Чем наполняется душа, когда каждый день своими руками хоронишь детей? Страхом? Болью? Отчаянием? Или к такому, в конце концов, можно привыкнуть?... Нина боялась подобных мыслей, но не могла прогнать их из головы.

Некоторые дети держались в пути из последних сил. Жизнь, казалось, еле теплилась в их слабых и истощенных телах. Их выносили из вагонов на руках, укутав в одеяла. По деревням развозили на санях и подводах.

Нина помнит о том, как однажды она пришла на работу, и директриса Клавдия Егоровна с бодрой улыбкой торжественно объявила ей:

– Нина Петровна, принимай подопечных. Воспитатель, сопровождающая их, заболела. С поезда прямиком в медпункт увезли. Говорят, воспаление легких... Ну ничего, ты же у нас опытная, и без нее справимся! – женщина твёрдым шагом подошла к Нине и ободряюще похлопала ее по плечу, – Пятнадцать детей я уже отправила в Уктымский интернат, но там койкомест больше нет, поэтому все остальные – твои. Мальчики, возраст 8-10 лет. Обучай, воспитывай в строгости и справедливости. Если будут сильно хулиганить – зови Алексеича, у него ремень кожаный и палки для устрашения в подсобке. имеются.

Нина тогда большими испуганными глазами посмотрела на директрису. Но ничего не ответила, молча проглотила свой страх. Взяла список и пошла проверять, как дети устраиваются в школьном пристрое, который должен был стать их "домом".

Нина помнит, как ужаснулась убогости помещения, в которое привели детей. Длинный узкий пристрой с обшарпанными стенами раньше был школьной раздевалкой. Сейчас тут соорудили двухъярусные кровати и поставили печь, которая, к удивлению Нины, была не растоплена.

– Почему тут так холодно? – спросила Нина у завхоза, на что хромым старик Алексеич ответил, что сходит за печником завтра утром.

– Сам не пойму, чего она не топится – дым валит и валит обратно. Завтра все делаем, хозяйка, не ругайся! – с заискивающей улыбкой пробормотал Алексеич.

– Сегодня делайте, – строго сказала Нина, сверкнув глазами в сторону мужчины, – заморозим детей, и так намерзлись они в поезде и в дороге.

– Да когда ж сегодня – день-то не резиновый! – заворчал Алексеич.

– Это дети, а не куклы! Вы сами тут пробовали оставаться на ночь? Тут ветер гуляет, – для большей значимости Нина сжала руки в кулаки, – Идите, Виктор Алексеевич, за инструментами, за печником, да хоть за самим лешим! В лепешку расшибитесь, но чтоб к ночи тут тепло было.

– Ишь, кулаки сжала, того гляди кинется бить, – заворчал себе под нос Алексеич, выходя из пристроя.

Нина оглядела мальчиков, пересчитала. Они копошились на кроватях, не обращая на нее внимания. Кто-то спал, кто-то смотрел в потолок, кто-то играл в карты. Лица их были грязными, головы обриты налысо. Худые, одетые кто во что... У Нины защемило в груди. Но она знала, что нельзя поддаваться жалости.

– Давайте познакомимся. Меня зовут Нина Петровна, я ваша учительница, – громко и строго сказала Нина и почувствовала, как колени ее затряслись от волнения.

Мальчики неохотно оторвались от своих занятий и повернули головы к Нине.

– Как вам известно, ваша воспитатель больна, поэтому следить за вами буду я. Буду вам "мамой", так сказать...

Нина и сама не знала, зачем добавила последнюю фразу. Позже, ознакомившись с делом каждого ребенка, Нина прокручивала свою приветственную речь в голове и думала, что это было очень глупо, назвать себя "мамой" мальчишек, которые уже настолько привыкли к одинокой, беспризорной жизни, что слово "мама" для некоторых из них звучало, как злая насмешка. Как бы то ни было, Нина хотела, как лучше...

– Пошла к черту! – неожиданно громко выкрикнул резкий мальчишеский голос.

Эта колкая фраза разрежала холодный и сырой воздух возле Нины на две части. Ее словно окатило ледяной водой. Она мысленно постаралась сказать себе, что это дети. Это всего лишь дети. Они не могут быть злыми...

– Кто это тут такой невоспитанный? – как можно добродушнее ответила Нина и попыталась выдать улыбку, – В гостях – и сквернословить с порога! Разве это хорошо? Ну, выйди, не бойся, познакомимся лично.

Голос Нины звучал ровно и спокойно, но все внутри дрожало от волнения и страха.

– Ну, что ты мне сделаешь, курица деревенская? Пошла к черту, говорю тебе! – маленький бритоголовый паренек вышел вперед, злобно сверкнул темно-карым цыганским взглядом и сплюнул в сторону Нины, – я все равно сбегу!

Лицо у цыганенка было худое, грязное, под глазом синел большой фингал. Подрался или ударил кто?

Он увидел, что Нина пристально рассматривает его и отвернулся, то ли от злости, то ли от смущения.

Остальные мальчики с интересом слушали их словесную перепалку. Почти все глаза были устремлены на Нину: кто смотрел со страхом, кто с ехидной усмешкой, а кто с жалостью. Нина набрала в легкие побольше воздуха. Помощи ей ждать неоткуда: Алексеича сама отослала за печником, а директриса убежала по неотложным делам.

– Я же помочь вам хочу. Я к вам – с добром, как и все остальные здесь. Вас, в конце концов, из города привезли, чтобы вы здесь выжили, а не погибли в городе от голода и холода, – сказала она, обращаясь к бунтарю.

– Нам вашей доброты не надобно, – огрызнулся мальчишка, дерзко и вызывающе вздернул подбородок.

По лбу его проползла жирная вошь. Нину замутило, но она не подала вида, что ей нехорошо, только оперлась рукой о холодную стену.

– Ну что же. Тем не менее, у нас здесь, в школе, есть свои правила. Так же, как в любой семье. Главное правило большой семьи знаешь? – снова обратилась она к мальчишке, стараясь не выдавать своего волнения.

– Знаю, – пробубнил цыганенок, – не слушать всяких деревенских кур!

После этих слов он пробежал мимо Нины к двери, толкнув ее так, что она потеряла равновесие и упала на деревянный пол.

– Парни, бежим отсюда! Уж лучше на воле ворами и бандитами быть, чем бабам подчиняться.

Нина поднялась с пола и встала перед мальчиками бледная и строгая.

– Ну, чего встали? Пойдемте, парни! – цыганенок обернулся, ожидая поддержки товарищей.

Несколько человек неуверенно двинулись за главарем, остальные мялись на своих местах, опустив головы.

– Эх вы подкаблучники! – процедил сквозь зубы цыганенок и снова смачно сплюнул на пол.

Мальчики стояли и не шевелились. Они устали, хотели есть и спать. Но сказать об этом вслух никто не решался. На долгую минуту в комнате, наполненной вечерними сумерками, повисла тишина. Бледные, худые, изможденные лица выражали покорность судьбе. Потом кто-то зевнул, кто-то полез обратно на кровать досыпать.

– Кухарка похлебку сварила для вас, – наконец сказала Нина, повернувшись спиной к тем, кто решил уйти, – все, кто хочет есть, стройтесь парами и идите за мной. А кто бежать хочет – пожалуйста, дверь открыта, держать я вас не буду. Бегите. Хоть сразу к врагам! Мужчинам, нападающим на женщин в тылу, только туда дорога.

Нина вышла из спальни, встала у окна, сжав руки в кулаки, потом вытерла злые слезы, обернулась и, к своему удивлению, увидела семь пар детей, взявшихся за руки, у входа в комнату. Пятнадцатый бунтарь взял свою котомку и пошел к выходу, бормоча под нос ругательства.

Мальчиков накормили постной похлебкой с кусочком черного хлеба. Ели они так жадно, что Нине снова стало их нестерпимо жаль. Совсем ещё дети, а уже столько тягот испытали, столько ужасов увидели. И некому их было приласкать, обнять, сказать, что все будет хорошо, что война когда-нибудь закончится...

Вернувшись в спальню, Нина стала помогать мальчикам застилать кровати, разбирать немногочисленные вещи и аккуратно складывать их в две тумбочки, что стояли в углу спальни.

Она спрашивала имена у тех, кто шел на контакт. Сережа, высокий парнишка со светлыми бровями и ресницами, мать которого умерла от туберкулеза несколько лет назад, а отца посадили за убийство, признался Нине:

– Такие, как мой отец, хуже любого врага. Враги чужих бьют, а он нас с мамкой бил.

Максим, рыжий и веснушчатый паренек, сначала огрызнулся на Нину, а потом неожиданно разревелся – его сестру отправили с отрядом девочек в соседнюю область. Он боялся, что никогда больше не увидит ее.

– Ну что ты, вот увидишь, Максим, наши непременно победят, война кончится, и вы вернетесь в родной город: и ты, и сестра, – сказала Нина и обняла парня за плечи, ей хотелось верить, что все будет именно так.

Постепенно в общий разговор втянулись и другие ребята. А после уборки Алексеич повел мальчиков в баню. Печь к тому времени была сделана, растоплена и тепло от нее согревало каждый уголок спальни, делая ее немного уютнее и гостеприимнее. Из бани парни вернулись чистыми и как будто совсем другими: лица посветлели, а на щеках заиграл румянец.

После ужина в школу пришла директриса. Нина сразу же обратилась к ней по вопросу, которым была сильно обеспокоена.

– Клавдия Егоровна, у некоторых мальчиков нет теплой верхней одежды. И та, что на них – совсем плохая. Что будем делать?

Женщина вздохнула устало, присела на стул.

– Своими силами искать, Нина Петровна. А как же еще? У людей просить придется, у себя искать, у родни...

Клавдия Егоровна помолчала, а потом сказала строгим голосом, посмотрев Нине прямо в глаза:

– Мне по пути в школу мальчика передали. Из рук в руки, так сказать. Женщина одна его поймала у себя во дворе. Как-то пролез, наверное, что-то своровать хотел, не успел... Наш мальчик, детдомовский. Он мне сказал, что это ты его прогнала. Как это понимать, Нина?

– Я его не прогоняла. Я... – Нина замялась и покраснела, подбирая правильные слова.

– Ты хоть знаешь, Нина, под какой удар ты меня подставила? А если проверка придет? А если до руководства донесется? – женщина негодуяще посмотрела на Нину, – детей этих я передаю Татьяне Ивановне, а ты завтра выходи, замещать ее будешь в начальных классах.

Нина пыталась что-то сказать в свое оправдание, но директриса и слушать ее не стала. Сжав кулаки и зубы, Нина выбежала из кабинета и словно напоролась на острый, темно-карий цыганский взгляд.

Мальчик сурово смотрел на нее в упор, Нина покраснела еще сильнее, отвела глаза, чтобы мальчишка не видел ее слез, и быстро прошла по коридору к выходу.

Нина помнит, как впервые услышала его имя. Она тогда подумала: звучно. Ян Ворончак, именно так звали нахального цыганенка, который так несправедливо поступил с ней.

Нина, выросшая в большой любящей семье, где ее нежили и баловали, никогда не задумывалась о том, что есть в мире другие дети – несчастные. Дети, которых не любят, бросают на произвол судьбы, дети, которые теряют своих близких, оказываются на улице без еды и крыши над головой. Такие дети рано взрослеют и часто бывают озлоблены на весь мир за то, что он так несправедлив к ним. Именно таким ребенком был Ян, так подумала Нина. Но это были ошибочные выводы...

Спустя несколько дней директриса Клавдия Егоровна пришла к Нине. Ее визит стал для Нины такой неожиданностью, что она не сразу догадалась предложить гостье войти.

– Нина Петровна, должна вам сказать, что я виновата перед вами, – начала Клавдия Егоровна, – я, не разобравшись в ситуации, незаслуженно обвинила вас. Грешна! Пришла уставшая и свое недовольство обрушила на вас. Разве же я знала, что этот мальчик не социализирован? Разве меня предупредили о чем-то, когда их всех привезли? Кинули мне пачку дел, посадили детей на подвозы и все – дальше разбирайся с ними, как хочешь, Клавдия Егоровна. Сама проблемы расхлебывай, сама воспитывай... Мне ведь только сегодня сообщили, что этот парнишка несколько раз порывался сбежать еще по пути сюда. Один раз чуть на ходу из поезда не выпрыгнул, хорошо, успели поймать.

Нина с пылающими щеками смотрела на Клавдию Егоровну. Ей показалось удивительным, что эта женщина, никогда не сомневающаяся в принятых решениях, вдруг взяла и изменила свою точку зрения.

Они сидели за столом, Нина встала, чтобы налить директрисе травяного чая, и увидела за окном знакомую худую фигурку. Цыганенок! Стоит, переминается с ноги на ноги, видно, замёрз. На нем – длинный, не по размеру, тулуп, валенки и меховая шапка-ушанка. Неужели сам повинился?

Директриса, проследив за взглядом Нины, тоже посмотрела в окно.

– Ах да... Ян. Он настоял, что пойдёт по мной. Заходить, правда, не захотел – стесняется после всего, что натворил, – лицо Клавдии Егоровны вдруг просветлело, и она быстро-быстро стала рассказывать Нине свежие новости, – Немного верхней одежды нам уже удалось вытребовать у вдов. Маруся Яшина до последнего не хотела фуфайку мужа отдавать, но ничего, одумалась. Вот ведь упертая, не хочет верить похоронке, и все тут. Всем твердит, что живой её Петя, и вернётся домой. Да как он вернется, если похоронка получена?... И вообще, одежда живым детям прямо сейчас нужна! Живые же важнее мертвых...

Нина не дослушала, накинула на плечи цигейку и вышла в сени. А вернулась в дом с мальчиком.

– Садись, я тебе тоже кипятка налью. Руки, наверное, отморозил!

Ян смущенно молчал, но от горячего чая не отказался. Его лицо было совсем другим: без той дикой, звериной злобы, которая переполняла его при их первой встрече. Он был, казалось, спокоен и даже миролюбив.

– Обещал не сбегать, если я вас снова воспитателем к ним назначу, – Клавдия Егоровна многозначительно посмотрела на Нину, потом на мальчишку, – Смотри, Ян, слушаешься, я тебя обратно в город отправлю!

Допив свой стакан чая, директриса засобиравалась в школу.

– У меня ещё отчёты не сданы. Война войной, а школьные отчёты сами себя не напишут. Ян, пойдём, я провожу тебя, – Клавдия Егоровна обернулась к Нине и добавила тоном, который не терпит возражений, – Нина Петровна, завтра к восьми утра жду вас на планерке в учительской. Надеюсь, мы друг друга поняли и никаких недомолвок между нами не осталось.

– До свидания, Клавдия Егоровна, – улыбнулась Нина.

Цыганенок обернулся на пороге и внимательно посмотрел на Нину. Без деланной злости и надменности его взгляд казался открытым, ясным и даже красивым.

– Простите меня, Нина Петровна, я не знал, что вы в положении... – Ян опустил голову, помолчал, потом стукнул себя ладонью по лбу, – я ведь знаю, что это такое, и что вам нервничать нельзя. Я очень виноват перед вами. Простите...

– Я не сержусь, Ян, все хорошо, правда, – Нина тронула Яна за плечо, – я рада, что ты все понял.

Ян поднял голову и на темных глазах его блеснули слезы.

– У меня мама в положении... Была в положении. Погибла при бомбежке. Вместе с маленькой сестрой. А я... Не знаю, зачем я выжил... Лучше бы с ними тогда был. Лучше бы всем вместе нам погибнуть...

Ян вытер рукавом лицо и выскочил на улицу.

Нина после его ухода долго стояла, прислонившись к дверному косяку, держалась за пока еще незаметный живот, в котором и вправду рос ребенок.

Полгода назад муж Нины, Тимофей, был тяжело ранен в бою, но, к счастью, выжил. Два месяца он провел в госпитале, после чего его отправили в отпуск на родину, чтобы восстановить силы. После отпуска Тимофей вернулся на фронт, а Нина через какое-то время поняла, что ждет ребенка...

Нине непросто приходилось с детдомовскими мальчишками. Она плохо разбиралась в их жаргоне и часто не понимала, о чем они говорят между собой. Первое правило, которое было установлено в мальчишеской спальне – не сквернословить. Но выполнялось оно через раз.

Нина привыкла доверять людям, мальчишки же не верили никому, и, что хуже – сбегали из интерната и воровали у местных все, что могли ухватить. На улице могли сорвать с прохожего шапку или выхватить у проходящей мимо женщины из рук котомку. Люди были недовольны и, когда жалобы дошли до директрисы, та вызвала Нину на серьёзный разговор и попросила немедленно пресечь у детей такое поведение.

– Нина Петровна, если сложно вам с ними, не справляетесь, то не молчите об этом. Будем внедрять более жесткую систему воспитания. А то, видите ли, мы их кормим, одеваем, учим, стараемся дать им всем самое лучшее, а они ничего не ценят!

После примирения с Яном, Нина попросила его об одной услуге – помогать ей организовать ребят. Ей хотелось направить парня на нужный путь. Она подумала, что если она сделает его своим главным помощником, эта возложенная ответственность уберезет его от глупых и необдуманных поступков.

И у нее получилось. Ян начал осознавать свою важность для Нины и для всего коллектива, а в некоторых ситуациях Нина давала ему понять, что без его помощи ей просто не справиться. Ян гордился своей новой ролью и прилежно исполнял свои обязанности.

В этот раз Нина тоже сначала решила поговорить с Яном. Он помогал ей поддерживать в классе дисциплину, ребята его уважали и даже побаивались. Молодую же учительницу любили, но её мнение стояло на втором месте после мнения главара.

– Сейчас мы все одна семья, парни. И если кто-то из семьи совершает позорные поступки, тень падает на всех, – кричал Ян в спальне, встав на деревянный табурет, как настоящий оратор.

– Ой-ой, кто-то сам недавно говорил, что быть вором и жить на воле, никому не подчиняясь – это хорошо, – пытались оправдать себя виноватые.

– Мне за тот поступок перед вами стыдно, – искренне ответил на обвинение Ян, и смуглые щеки его покраснели, – а особенно стыдно перед Ниной Петровной. Она же нам, как мама, с самого начала. Любит нас и все прощает – все глупости.

Внезапно кто-то с дальней койки хихикнул:

– Мама Нина!

И по цепочке друг за другом понеслось: "мама Нина", "мама Нина"...

Сердце Нины так и подскочило от удивления, смущения и от нежности к этим ребятам. Она стояла у стены, пытаясь сохранить строгое лицо, и думала о том, что они и вправду стали ей, как родные – эти парни. Порой с ними было не просто, но они доставляли ей массу радостных эмоций.

– Мама Нина, мама Нина, – хором скандировали мальчишки.

Вот так она и стала мамой Ниной.

Летом Нина родила сына. В школе шутили, что у мамы Нины родился шестнадцатый сын. Нина назвала его Борисом.

Отдыхать и наслаждаться материнством было некогда. Привязав младенца платком к груди, Нина ходила вместе с мальчишками на полевые работы, положив кулек с сыном в тени под кустом, она работала на сенокосе наравне со всеми.

Жили дружно, но время было тяжелое, весь урожай зерна и овощей отправляли на фронт, а в тылу многие голодали. Когда было совсем голодно, Нина с мальчиками шли на луга собирать клевер и лебеду, чтобы вместо хлеба испечь травяные лепешки. В такие моменты Нина поддерживала оптимизм и бодрость духа в мальчишках, как могла. Главное – не раскисать, не падать духом и верить в лучшее.

И Яну она всегда говорила о том, что оптимизм помогает даже тогда, когда кажется, что уже ничего не поможет...

Нина помнит, как в начале осени ей с мальчиками было поручено убрать школьное картофельное поле. Располагалось оно за селом, возле самого леса. Работа у мальчишек кипела быстро, работали в парах: один выкапывал вилами куст, другой складывал картошку, сортируя ее по ведрам на мелкую и крупную.

На ужин Клавдия Егоровна разрешила им запечь немного мелкой картошки. Парни ждали этого, как праздника – картошка, запеченная на костре, что может быть вкуснее? Поэтому работали все дружно и весело. Когда солнце клонилось к закату, а работа подходила к концу, двое мальчиков во главе с Яном принесли дров и разожгли посреди поля костер.

Нина тоже работала в паре с одним из парней, Володей по кличке Долгий. Был Володя в свои неполные 10 лет таким высоким, что выше него в их школе никого не было. Володю звали достать что-то с самой верхней полки. Он всегда дальше всех видел и больше всех слышал, то ли из-за своего роста, то ли потому что просто был наблюдательным.

Вот и в тот день именно Володя Долгий первым заметил волка. Зверь выходил из леса и медленно, сверкая глазами и рыча, продвигался к спящему под кустом Борису.

– Спасайтесь, волк! – закричал Володя изо всех сил.

Парни замерли от страха на своих местах. Нина, до смерти напуганная и бледная, сорвалась с места и побежала по полю навстречу хищнику. Лучше пусть ее разорвет, но дитя свое она не отдаст на съедение зверю.

Она остановилась в паре шагов от сына. Только сейчас Нина увидела, что волк значительно больше обычного пса. Но медлить было нельзя, одним прыжком Нина преодолела отде-

лявшее ее до сына расстояние и упала, накрыв его своим телом, а потом зажмурилась, готовилась к смерти...

Каково это – когда тебя разрывают на части? Жуткая мысль пронеслась в голове... Но внезапно Нина услышала позади себя дикие вопли. Она открыла глаза и увидела кричащего Яна с горящей палкой. Видимо, он вытащил ее прямо из костра. Волк попятился назад, но потом злобно зарычал на парня. Нину затрясло от страха, но не за себя, а за бесстрашного мальчишку, который сейчас рисковал жизнью ради них с Борисом.

– Немедленно уходи! Беги в село за помощью, слышишь меня? – закричала она Яну.

В это время волк одним прыжком перескочил через Нину с ребенком и стал медленно подходить к Яну, чувствуя свое превосходство.

Нина краем глаза видела, как несколько мальчишек побежали с поля в сторону села. Ян стоял со своим самодельным факелом напротив волка и взгляд его темных глаз был наполнен не страхом, а яростью. Цыганская кровь кипела в его жилах, наполняя сердце смелостью, а тело ловкостью.

– Я маму с сестрой уже потерял. А вас не потеряю. Лучше сам умру, – кричал парень, не сводя глаз с волка, а потом стал наступать на зверя с воинственными воплями, размахивая перед его мордой горящей палкой, которая больше дымила, чем горела.

Волк попятился, испугавшись дыма и огня. Сверкая глазами и злобно скалясь, он нехотя стал отходить к лесу. Потом Ян совсем расхрабрился и, максимально приблизившись к волку, изо всех сил ткнул ему факелом в морду, целясь в глаза. Зверь отпрыгнул, заскулил, тогда Ян стал наступать на него, тыча факелом куда ни попадя. В это время на помощь к нему подоспели еще несколько мальчишек, вооруженных вилами. Все вместе, размахивая вилами и крича, они стали гнать волка подальше от Нины с ребенком, пока зверь, рыча, не скрылся в лесу.

Нина села на землю, прижав к груди плачущего сына. Бориса разбудила суматоха и крики вокруг. У Нины из груди тоже вырывались глухие рыдания, по щекам текли слезы, она не могла унять колотившую ее дрожь.

Мальчики встали перед ней, не смея что-то сказать в ответ на ее слезы.

– Мама Нина, не плачьте, мы его прогнали... – сказал Сережа, самый бойкий и веселый из парней, он подошел к Нине и, не стесняясь остальных, крепко обнял.

После этого мальчишки, как по команде, бросились обнимать и успокаивать плачущую учительницу.

– Повезло вам, ребята. Волк был либо старый, либо сытый. Молодой и голодный не посмотрел бы на ваши факелы и вилы, разорвал бы всех, как пить дать... – сказал озабоченно Алексеич, прибежавший на помощь со старым охотничьим ружьем.

На следующий день Нина сказала Яну то, что давно уже вынашивала в себе, но все никак не решалась озвучить.

– Война закончится, не отпущу тебя обратно в детдом. Будешь жить в нашей семье, как родной. Ты и сейчас нам с Борисом, как родной... Сын и брат... – Нина подошла к изумленному парнишке и положила ладони ему на худенькие плечи.

– А как же ваш муж? Примет ли меня? – спросил Ян.

– Конечно, мой Тимофей тебя примет. Он детей очень любит. Я ему уже давно о своем решении в письме написала. Лишь бы живым вернулся... А там заживем! – Нина улыбнулась, улыбка вышла слегка грустная, – Тимофей только счастлив будет, что такой помощник у него теперь есть.

Нина заметила, как на глазах у Яна навернулись слезы, которые он хотел скрыть, повернувшись к ней спиной. Мужчины не плачут, они должны быть сильными – так он ей всегда говорил. А она ему отвечала, что плакать можно всем. О слабости говорят не слезы, а трусливые поступки...

– Вырастешь, учиться тебя в город отправим. С таким умом и с такой решительностью, ты можешь многого добиться в жизни. Выучим тебя, на ноги крепко поставим, а потом уже сам будешь жить, как тебе захочется, – Нина помолчала, потом спросила чуть тише и нерешительнее, – скажи, ты согласен, Ян?

Ян повернулся к Нине и ответил:

– Конечно, мама Нина, конечно!

Нина даже не пыталась скрыть слез радости. Так у нее появилось два сына...

Время шло, детдомовцы постепенно успокоились, перестали бунтовать и сильно проказничать, поняли, что все вокруг относится к ним с добром и пониманием. Дисциплина в классе стала почти идеальной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.